

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был и денег и белья и дел моих рачитель, приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» спросил изумленный Савельич. — Я их ему должен — отвечал я со всевозможной холодностию. — «Должен!» возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление; — «да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам.»

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж впоследствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки и, взглянув на него гордо, сказал: Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают.

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. Что же ты стоишь! — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич» — произнес он дрожащим голосом — «не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика, напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко на крепко заказали не играть кроме как в орехи». . . . Полно врать — прервал я строго — подавай сюда деньги, или я тебя в зашей прогоню.

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывести меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что ло-